

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.161.1'42+821.161.1-2(Булгаков М. А.)
 ББК ШП41.12-51+ШЗ3(2Рос=Рус)6-8,444

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Лян Вэйци

Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай, liangweiqi@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5481-979X>

Формы обращения в драматургии М. А. Булгакова 1920-х гг. как социальные и политические маркеры

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется прагматический потенциал форм обращения в драматургии М. А. Булгакова 1920-х гг. («Дни Турбиных», «Бег», «Зойкина квартира»). Целью работы является выявление роли вокативных форм как социально-иерархических и политических маркеров, отражающих динамику власти, трансформацию идентичности и социальные конфликты в послереволюционную эпоху. Методологическую базу исследования составляет междисциплинарный подход, сочетающий методы политической лингвистики, дискурс-анализа и лингвопрагматики. В работе применяются контекстуальный анализ речевых актов и семантическая интерпретация лексем, подвергшихся идеологизации. Выявлено, что в условиях «языковой революции» формы обращения утрачивают этикетную нейтральность, превращаясь в инструменты идеологического маркирования «своих» и «чужих». Выделены три группы обращений: политически маркированные (товарищ, господин, гражданин); формы субординации, отражающие распад иерархии; периферийные формы. Установлено, что у героев Булгакова выбор обращения часто становится зоной высокого прагматического риска и средством стратегического позиционирования. Представленный в работе анализ позволяет сделать вывод о том, что формы обращения в художественном мире Булгакова выступают в качестве механизма символического конструирования социальной реальности, фиксируя кризис традиционного речевого этикета и процессы переустройства властных отношений в 1920-е годы. Результаты исследования могут быть использованы в вузовских общих и специальных курсах, связанных с филологическим анализом текста, историей русской литературы, политической лингвистикой и культурологией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская литература, русские писатели, литературное творчество, литературные жанры, литературные сюжеты, драматургия, пьесы, формы обращения, речевой этикет, лингвопрагматика, политическая лингвистика, художественные тексты, речевые акты, социальные маркеры, политические маркеры, М. А. Булгаков.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Лян Вэйци, кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета русистики, Институт западных языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуанчжоу, Китай, email: liangweiqi@yandex.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена в рамках «Программы поддержки молодых талантов» (Yumiao Program, 2024–2026) Института западных языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли. / 本文系广东外语外贸大学西方语言文化学院“育苗计划”科研项目(2024–2026)阶段性成果。

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лян, В. Формы обращения в драматургии М. А. Булгакова 1920-х гг. как социальные и политические маркеры / Лян Вэйци. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 253–261.

Liang Weiqi

Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China, liangweiqi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5481-979X>

Forms of Address in M. A. Bulgakov's Dramaturgy of the 1920s as Social and Political Markers

ABSTRACT. This article examines the pragmatic potential of forms of address in M. A. Bulgakov's plays of the 1920s (*Days of the Turbins*, *Flight*, *Zoyka's Apartment*). The aim of the study is to identify the role of vocative forms as socio-hierarchical and political markers reflecting the power dynamics, identity transformation and social conflicts in the post-revolutionary era. The methodological research framework rests on an interdisciplinary approach combining the methods of political linguistics, discourse analysis, and linguopragmatics. The study employs the contextual analysis of speech acts and the semantic interpretation of ideologized lexical units. It is demonstrated that under the conditions of a “linguistic revolution,” forms of address lose their etiquette neutrality and become instruments of ideological marking of “own” and “alien.” Three groups of address forms are identified: politically marked forms (e.g., *tovarishch*, *gospodin*, *grazhdanin*); forms of subordination reflecting the collapse of hierarchy; and peripheral forms. It is argued that the choice of address by Bulgakov's characters often becomes a zone of high pragmatic risk and a means of strategic positioning. The analysis, presented in the article, leads to the conclusion that the forms of address in Bulgakov's artistic world function as a mechanism of symbolic construction of social reality, capturing the crisis of traditional speech etiquette and the processes of restructuring power relations in the 1920s. The results of the study can be applied in university-level general and specialized courses related to philological text analysis, history of Russian literature, political linguistics, and cultural studies.

KEYWORDS: *Russian literature, Russian writers, literary creative activity, literary genres, literary plots, dramaturgy, plays, forms of address, speech etiquette, linguopragmatics, political linguistics, fiction texts, speech acts, social markers, political markers, M.A. Bulgakov.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Liang Weiqi, Doctor of Philology, Senior Lecturer, Department of Russian Studies, Institute of Western Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.*

ACKNOWLEDGMENTS. The study has been carried out within the frames of the “Program of Support for Young Talented Scholars” (Yumiao Program, 2024–2026) of the Institute of Western Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies.

FOR CITATION: *Liang Weiqi. (2026). Forms of Address in M. A. Bulgakov's Dramaturgy of the 1920s as Social and Political Markers. In Political Linguistics. No 3 (117), pp. 253-261. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Революционные события 1917 г. выступили мощным экстралингвистическим фактором, радикально изменившим социально-символическую роль языка: он утратил нейтральность и оказался включенным в пространство интенсивной идеологической семантизации [Гао 2023]. В условиях исторического разлома язык стал полем острой политико-идеологической борьбы; он функционировал уже не только как репрезентант социальной реальности, но и как активный инструмент ее конструирования и мобилизации общества.

В политической лингвистике подобные периоды характеризуются как моменты «языковой революции», когда происходит резкая перестройка коммуникативных кодов и прагматических норм, а формы обращения начинают функционировать как вербальные индикаторы смены властных иерархий и идеологических режимов [Пономаренко, Сегал, Цыганкова 2024]. В связи с этим особую значимость приобретает мысль А. Д. Васильева о том, что эволюция вокативных форм представляет собой сложный социокультурный процесс, отражающий трансформацию коллективного сознания и институциональных моделей взаимодействия: обращения не только фиксируют социальную стратификацию, но и реализуют семиотическую оппозицию «свой / чужой» как базовый механизм политической идентификации [Васильев 2008; 2009].

Данная динамика особенно отчетливо проявляется в 1920-е годы, когда традиционная система чинов и титулов Российской империи, институционально закрепленная «Табелью о рангах», подвергается демонтажу и замещается новой системой идеологически маркированных номинаций [Виноградов 2017]. В этих условиях формы обращения начинают выполнять не только этикетную, но и ярко выраженную политико-антропологическую функцию, поскольку, по наблюдению И. Б. Фан и Н. В. Багичевой, в них фиксируются отношения власти, равенства и неравенства, а также модели господства и подчинения [Фан, Багичева 2025: 279].

Обращение может выступать в качестве предельно экспрессивного элемента речевого этикета, маркирующего социальную позицию субъекта в структуре общественных отношений [Формановская 1982]. В данном контексте драматургия М. А. Булгакова 1920-х гг. («Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Бег»), созданная в условиях исторической и языковой турбулентности, отражает процессы лингвополитической трансформации с высокой степенью художественной и социолингвистической репрезентативности.

В пьесах Булгакова речевой этикет утрачивает формально-декоративный характер и превращается в прагматически значимый механизм идентификации и позиционирования субъекта речи. Целью настоящей статьи является выявление прагматического потенциала форм обращений в драматургии Булгакова как социальных и политических маркеров, репрезентирующих конфликт идентичностей, социальную стратификацию и идеологическую поляризацию дискурсивного пространства.

ПОЛИТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫЕ ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ КАК СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ — ЧУЖОЙ»

После Октябрьской революции традиционные речевые нормы подверглись системной дестабилизации: новые социально-политические отношения привели к разрушению прежней системы речевого этикета, особенно в сфере обращений [Трофименко, Волгин 1991: 58]. В результате особую значимость приобрели политически маркированные формы обращения, такие как *господин*, *товарищ* и *гражданин*, каждая из которых заняла специфическое положение в новой идеологически организованной системе номинаций.

В дореволюционном дискурсе обращение *господин* функционировало как устойчивый маркер социальной иерархии и сословной асимметрии. После революции оно подверглось радикальной семантической переоценке: в советском идеологическом дискурсе данная форма приобретает негативно-

оценочную коннотацию, ассоциируясь с социальным неравенством — буржуазностью, классовым господством. В условиях Гражданской войны *господин* начинает функционировать как индекс «чужого», маркирующий потенциального или актуального противника новой политической системы [Васильев 2008: 88].

Слово *товарищ* демонстрирует иную траекторию семантической эволюции. Фиксируемое в XIX в. как обозначение участия в совместной деятельности [Даль 1998: IV: 774], оно приобретает в революционном дискурсе специализированную идеологическую функцию. По наблюдению А. В. Зеленина, оно подвергается функциональной редукции и одновременно институционализации в рамках нового политического лексикона [Зеленин 2003: 95]. В рамках раннеревolutionных практик *товарищ* выступает как элемент внутригрупповой номинации, маркирующий принадлежность к «своим» — идеологически легитимированному коллективу [Фан, Багичева 2025: 281]. С установлением советской власти форма *товарищ* приобретает статус официального универсального обращения, выполняющего функцию символического конструирования социальной равнозначности. Как отмечает Н. И. Формановская, данная форма использовалась как по отношению к незнакомым лицам, потенциально включенным в систему идеологической солидарности, так и к членам устойчивых социальных групп [Формановская 1989: 25]. Однако в среде дореволюционной интеллигенции она нередко воспринималась как навязанная и идеологически маркированная, что свидетельствует о ее высокой прагматической напряженности.

Обращение *гражданин* занимает промежуточное положение в данной системе. В отличие от формы *товарищ*, обладающей выраженной позитивной маркированностью, и формы *господин*, подвергшейся негативной переоценке, вариант *гражданин* первоначально функционирует как относительно нейтральный. Однако в условиях Гражданской войны и институционализации советской государственности он постепенно приобретает административно-дискурсивную окраску, закрепляясь как обращение к субъектам, не включенным в пространство идеологической солидарности или воспринимаемым как социально дистанцированные [Фан, Багичева 2025: 283].

Таким образом, формируется трехкомпонентная система идеологически маркированных обращений: *товарищ* как индекс включенности в «свое» сообщество, *господин* как маркер отчужденного «чужого» и

гражданин как форма институциональной дистанцированности.

В художественном дискурсе Булгакова данная система подвергается сложной семантико-прагматической дестабилизации, превращаясь в источник коммуникативных конфликтов и идеологических столкновений [см., напр.: Чжан Ди 2018].

В пьесе «Бег» Хлудов использует оксюморонное сочетание «господин товарищ», сопровождая его ироничным предупреждением: «Не истолкуйте превратно выкрика „сволочь“, господин товарищ. О севастопольской сволочи говорю» [Булгаков 1997: V: 240]. Здесь обыгран официальный статус Корзухина, в прошлом занимавшего должность товарища (заместителя) министра. Данное сочетание приводит к размыванию прагматических свойств обеих форм: *господин* утрачивает статус уважительного обращения, а *товарищ* — функцию символической солидарности. Возникает эффект дискурсивной иронии, при котором обращение становится инструментом вербальной деконструкции социальной идентичности адресата.

Когда персонажи не уверены в политических взглядах собеседников, они вынуждены предпринимать рискованные и зачастую тщетные попытки подобрать приемлемую форму обращения. В таких условиях акт номинации утрачивает этикетную предсказуемость и превращается в прагматически рискованный выбор, чреватый коммуникативным и социальным санкционированием. Показателен в этом отношении эпизод в петлюровском штабе из «Дней Турбиных». «Человек с корзиной» (сапожник), обращаясь к петлюровскому офицеру Галаньбе, сначала использует форму «товарищ военный», однако сталкивается с резким отторжением: «Що? Товарищ? Кто ж тут тебе товарищ?» [Булгаков 1997: IV: 348]. Попытка коррекции стратегии — переход к форме «господин военный» — также оказывается неудачной: Галаньба отвергает обращение, заявляя, что он не «господин», и уточняет, что «господа» все находятся в городе с гетманом, тогда как здесь им «кишки повыматывают» [там же].

Особого внимания заслуживает финал этого эпизода, в котором языковая агрессия переходит в прямое санкционирование насилия: приказ «Урежь этому господину по шее» сопровождается саркастическим вопросом о том, «яки господа тут?» [там же]. В данной ситуации речь функционально редуцируется до механизма жесткой сегрегации по принципу «свой / чужой». Для «человека с корзиной» выбор между словами *товарищ* и *господин* превращается в прагма-

тическую ловушку: в условиях разрушенного лингвокультурного кода любое обращение оказывается идеологически нагруженным и потенциально опасным. Рассматриваемый эпизод демонстрирует «прагматический тупик», при котором политический конфликт приводит к кризису коммуникативной безопасности, а обращение к «другому» приобретает характер символически санкционированного акта насилия.

В пьесе «Зойкина квартира» система обращений демонстрирует высокую степень функциональной дифференциации в зависимости от коммуникативной сферы и социального статуса участников взаимодействия. Обращение *господин* используется исключительно в ночное время в пределах квартиры-ателье Зои Пельц, среди «своих», и маркирует остаточные формы дореволюционного этикета, выполняя роль символического индикатора «закрытого» социального мира.

В противоположность этому, *гражданин* закрепляется за официально-административной сферой, реализуя функцию институциональной дистанции и правового обозначения субъекта. Показателен выбор данной формы во второй редакции пьесы: управдом Аллилуйя, обращаясь к Обольянинову, использует формулу «Здравствуйте, гражданин Обольянинов» [Булгаков 1997: V: 345], тогда как Зою Денисовну он называет по имени-отчеству, что снижает степень официальной дистанции. Такое распределение обращений мотивировано социально-ролевой логикой: по отношению к «бывшему» графу актуализируется официально-дистанцирующая номинация, тогда как в отношении хозяйки, от которой зависит бытовая ситуация, допускается более мягкий регистр.

Аналогичная прагматика проявляется в репликах других персонажей: Аметистов при первой встрече с Обольяниновым просит Зою познакомить себя с «гражданином...» [там же: 67], а Гусь именует Аметистова «гражданином администратором» [там же: 93; 97]. В данных случаях *гражданин* функционирует как нейтрально-официальная номинация, релевантная для делового взаимодействия, но лишённая идеологической коннотации и эмоциональной «солидарности», характерной для слова *товарищ*.

Обращение *товарищ* (нередко с усилителями «дорогой», «уважаемый») в пространстве пьесы закрепляется преимущественно за фигурами, ассоциированными с властью: так обозначен милиционер Пеструхин в списке действующих лиц, так же его называют Аллилуйя и Гусь. Данная форма не столько указывает на равенство, сколько демонстрирует лояльность, сигнализируя о

признании советского порядка и включённости в его иерархию. При этом *товарищ* может использоваться и стратегически — как инструмент социального позиционирования.

Показателен Аметистов, который, входя в незнакомое пространство, использует обращение *товарищ* («Эй, товарищ! Кто тут есть? Зоя Денисовна дома?») [там же: 66]), тем самым маркируя себя как «своего». В дальнейшем он последовательно расширяет сферу употребления данной формы, применяя ее к сотрудницам и клиенткам, а также в официальных ситуациях. В его речевой стратегии *товарищ* выступает универсальным прагматическим маркером, обеспечивающим имитацию идеологической благонадежности и ситуативной адаптации.

Финальная сцена пьесы особенно отчетливо демонстрирует функциональную дифференциацию трех ключевых обращений. Пеструхин начинает допрос с формального *гражданин* — номинации, фиксирующей административный статус адресата как подотчетного государству субъекта. Аллилуйя, осознав угрозу разоблачения, переходит к многократному и эмоционально нагруженному *товарищ*, стремясь подтвердить принадлежность к «своим», несмотря на исходное обращение *граждане*. Данная смена регистра маркирует прагматическую нестабильность и коммуникативную зависимость от властной оценки.

Ответная реакция милиционеров выражается в переходе к асимметричному режиму общения: они отказываются от официального регистра, используют фамильярное *ты* и оскорбительные номинации («председатель свинячий» [там же: 128]), где *ты*-форма функционирует не как показатель близости, а как инструмент символического доминирования и вербального унижения. По отношению к посетителям квартиры, напротив, сохраняется подчеркнуто формальное *граждане*, маркирующее их социальную дистанцированность и положение вне властной структуры. Лишь во второй редакции эпизодически фиксируется неофициальная форма *гражданочка*, приобретающая оттенок иронически-пренебрежительной фамильярности [там же: 374].

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ В ДИСКУРСЕ СУБОРДИНАЦИИ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ИЕРАРХИИ

Центральное место в системе персонажей пьес «Дни Турбиных» и «Бег» занимают офицеры, для которых соблюдение субординации является базовым нормативным принципом. В «Зойкиной квартире» ряд персонажей демонстрирует претензии на при-

надлежность к дореволюционной элите. Во всех трех произведениях язык субординации функционирует не только как средство коммуникации, но и как механизм конструирования социальной реальности, маркирования статуса и репрезентации властных отношений. В данном контексте формы обращения выступают как элементы дискурсивной регуляции, обеспечивающие символическое воспроизводство иерархий и легитимацию власти.

Как отмечает Ю. А. Федосюк, в дореволюционной служебной среде обращение к старшему по чину строго регламентировалось и варьировалось от *вашего благородия* до *вашего высокопревосходительства* [Федосюк 2000: 27]. Данная система, закреплённая «Табелью о рангах» (1722–1917), предполагала жесткую градацию статусных формул: к концу XVIII века она включала пять основных уровней титулатуры — «I—II классы: *ваше высокопревосходительство*; III—IV классы: *ваше превосходительство*; V класс: *ваше высококородие*; VI—VIII классы: *ваше высокоблагородие*; IX—XIV классы: *ваше благородие*» [Шепелев 2005: 29]. После революционных событий 1917 года система чинов и званий была официально упразднена, что привело к разрушению прежнего механизма языковой стратификации [Козлов 2019: 23].

В новых коммуникативных условиях гражданские лица, вступая в контакт с военными, часто осознают необходимость использования соответствующих уважительных форм, однако не обладают устойчивой компетенцией в дореволюционном коде обращения. Это проявляется не как частная ошибка, а как симптом глубинного социально-исторического разрыва. Булгаков фиксирует момент, когда система военной субординации уже демонтирована и старые формулы утратили однозначную референциальную иерархическую функцию. Тем самым в художественном пространстве пьес актуализируется процесс десемантизации статусных маркеров: знаки власти сохраняются на уровне языковых форм, но утрачивают способность стабильно кодировать социальные различия. В ситуации распада прежних словесных границ и несформированности новых коммуникативных норм «чужой» субъект оказывается неспособным корректно декодировать и воспроизводить код субординации, что усиливает коммуникативную нестабильность и демонстрирует кризис языковой репрезентации власти.

В «Зойкиной квартире» на вечеринке у хозяйки Гусь, раздавая деньги модельщикам, сравнивает их с весталками. В ответ Лизанька, демонстрируя готовность к «слу-

жению», обращается к нему *ваше превосходительство* [Булгаков 1997: V: 116]. Комизм сцены носит многослойный характер: он основан как на контрасте между сомнительным социальным статусом персонажей и образом непорочных античных жриц, так и на семантической неадекватности архаичного обращения, применённого к советскому дельцу. Однако здесь важен не просто комический эффект, а демонстрация утраты языковой компетенции в сфере дореволюционного этикета. Для Лизаньки «ваше превосходительство» функционирует не как четко соотнесённая с конкретным чином формула, а как обобщённый маркер «значимого и властного лица». Данная ситуация сигнализирует о переходе от номинации институционально детерминированной к номинации оценочно-обобщённой, что свидетельствует о размывании социальной семантики обращения.

Аналогичная ситуация наблюдается в «Днях Турбиных», где гимназический педель Максим демонстрирует неустойчивое владение системой военного этикета. Обращаясь к полковнику Турбину, он использует то корректную формулу *ваше высокоблагородие* [Булгаков 1997: IV: 358], то некорректную *ваше превосходительство* [там же: 359]; в разговоре с капитаном Мышлаевским употребляет обращение *ваше превосходительство* [там же]. Данная ошибка отражает одновременно гиперкорректную установку на максимальную вежливость и отсутствие полноценного представления об иерархической дифференциации обращений: любая фигура власти в мундире воспринимается им как носитель высшего статуса. В условиях социального и институционального разлома знаки власти утрачивают дифференцирующую функцию, редуцируясь до общего представления о «власти как таковой». Это, в свою очередь, приводит к упрощению и гиперболизации форм обращения и свидетельствует о распаде точной соотнесённости между языковым знаком и социальной иерархией.

Строго регламентированный этикет является обязательным для институциональных дискурсов, которые характеризуются высокой степенью ритуализации; прежде всего дискурсов армии и духовенства [Суркова 2025]. В таких закрытых системах точность номинации выполняет функцию поддержания символического порядка и воспроизводства иерархии. Как отмечает Л. О. Чернейко, «выбор говорящим при обращении к другому лицу или при его идентификации определенной формы личного имени оказывается значимым в случае несоответствия формы стандартным условиям ее применения» [Чернейко 2002: 25]. В сценах в гетман-

ском дворце в «Днях Турбиных» и на протяжении действия пьесы «Бег» любые отклонения от этикетной нормы становятся особенно заметными на фоне общей тенденции к гиперформализации речевого поведения, иногда доходящей до ритуального абсурда.

Так, в «Беге» главнокомандующий, задавая полковнику Де Бризару вопрос о сходстве с Александром Македонским, получает в ответ почтительную, но семантически неадекватную реплику, в которой древний правитель именуется «его величеством»: «Я, ваше высокопревосходительство, к сожалению, давно не видел портретов его величества» [Булгаков 1997: V: 254]. Данный случай приобретает дополнительную интерпретационную значимость с учетом травматического состояния персонажа: Де Бризар изображен как получивший ранение в голову и находящийся в состоянии когнитивной дезорганизации, что усиливает эффект речевой нестабильности и нарушенной прагматической ориентации. В результате подобное титулование воспринимается не только как коммуникативный сбой, но и как симптом распада связи между языковой формой и ее социо-исторической референцией.

В военной среде обращение по чину или по должности сохраняет нормативность даже вне служебного контекста, что свидетельствует о тотальности иерархического кода, пронизывающего как институциональное, так и частное общение. В сочетании с противопоставлением *ты* / *Вы* оно становится точным индикатором межличностной дистанции и степени социальной близости. Булгаков использует эту систему как инструмент тонкой градации отношений, где каждая смена формы обращения маркирует сдвиг в коммуникативной иерархии.

В доме Турбиных, несмотря на родственные и дружеские связи, сохраняется практика обращения по званию, что придает общению одновременно оттенки иронической фамильярности и корпоративной солидарности офицерской среды. Мышлаевский и Николка называют друг друга «капитан» и «юнкер» [Булгаков 1997: IV: 320], при этом младший по возрасту Николка обращается к Мышлаевскому на *ты* и использует подчеркнуто неофициальную эмоционально-экспрессивную форму имени — Витенька [там же: 307]. Такое смешение кодов (воинское звание, фамильярное имя и местоимение *ты*) формирует гибридный коммуникативный режим, в котором институциональная и неформальная идентичности сосуществуют в общем дискурсивном пространстве. Алексей Турбин обращается к Шервинскому на *Вы* и по имени-отчеству, что указывает на

более высокую степень дистанции, тогда как Студзинский, обращаясь к Турбину, использует официальную форму «господин полковник», маркируя степень формализации.

Примечательно, что эволюция обращений отражает динамику межличностных отношений в условиях идеологической и семейной дестабилизации. В начале «Дней Турбиных» Алексей приветствует Тальберга неформальным «...здравствуй, Володя», получая ответное «Здравствуй, Алеша» [там же: 316]; неофициальные формы имен и *ты*-коммуникация маркируют принадлежность к кругу «своих». Однако после известия об отъезде Тальберга, интерпретируемом как дезертирство, Алексей переходит к формально-дистанцирующему «вы»: «...командировка ваша мне не нравится» [там же: 317]. Данный сдвиг фиксирует мгновенную ресемантизацию отношений: переход на «вы» и отказ от имени функционируют как индексы отчуждения и утраты доверия. Далее собеседники переходят к строго статусным номинациям — «полковник Турбин», «полковник Тальберг», вместо интимно-семейных обращений появляются и искусственные квазиофициальные конструкции типа «господин брат моей жены» [там же], «господин муж моей сестры» (во второй редакции) [там же: 566]. Эта трансформация репрезентирует не только межличностный, но и идеологический разрыв, переводя частный конфликт в плоскость дискурсивного противостояния. При этом в присутствии Елены оба героя демонстративно возвращаются к неформальному семейному регистру, временно маскируя напряжение, что свидетельствует о прагматической вариативности обращения как инструмента коммуникативной стратегии. Таким образом, формы обращения не только отражают отношения; они могут быть использованы как средства нарочитой демонстрации одних отношений и сокрытия других, выполняя функцию своеобразной «языковой ширмы».

Показательны и резкие регистровые переключения между официальным *Вы* и фамильярным *ты* с использованием неформальных вариантов имен. В «Беге» Де Бризар, обрадованный спасением Чарноты, восклицает: «Ваше превосходительство! Гриша!» и обнимает его [Булгаков 1997: V: 226]. Чарнота в ситуации острого конфликта сначала обращается к Хлудову официально, в соответствии с чином («Ваше превосходительство!»), но в момент отчаяния переходит на *ты* и дружеское «Рома» [там же: 237], пытаясь восстановить личностную связь, однако в ответ получает холодную угрозу расстрела. Эти переключения демонстриру-

ют функционирование форм обращения в качестве чувствительных индикаторов эмоционально-иерархической динамики и прагматической нестабильности коммуникации.

В русской речевой традиции противопоставление *ты* и *Вы* обладает особой социокультурной значимостью [Формановская 1987: 79]. В образованной среде *ты* интерпретируется либо как знак близости, либо как маркер иерархического неравенства и подчиненного положения. Булгаков последовательно актуализирует эту амбивалентность. Так, в «Беге» солдат Крапилин, обличая генерала Хлудова, демонстративно использует *ты*, что представляет собой вопиющее нарушение субординации и одновременно придает его речи высокий, почти пророческий пафос [Булгаков 1997: V: 247]. Напротив, начальник контрразведки Тихий, допрашивая Голубкова, переходит на *ты* как на средство демонстрации абсолютного властного превосходства и усиления устрашающего эффекта [там же: 249]. Реализующая иную прагматическую стратегию Люська, стремясь пристыдить и унижить Чарноту, начинает с подчеркнуто официального регистра (чин, «Вы»), а затем последовательно снижает стиль до фамильярного [там же: 272]. Динамика форм обращения выступает как индикатор сдвигов в сферах власти, доверия и межличностной дистанции. В более широком плане это позволяет рассматривать переключение *ты* / *Вы* как механизм микродискурсивного конструирования, при котором языковой выбор непосредственно коррелирует с перераспределением символического контроля.

Таким образом, в драматургии Булгакова формы обращения в дискурсе субординации выступают средствами репрезентации и трансформации властных отношений. В условиях разрушения дореволюционной системы рангов и нестабильности новых социальных норм происходит десемантизация статусных маркеров: формы сохраняются, но утрачивают однозначную связь с иерархией. В результате формы обращения становятся гибкими прагматическими инструментами, выражающими не только институциональный статус, но и динамику межличностных отношений (дистанцию, солидарность, конфликт). Регистровые переключения (*ты* / *Вы*, имя / обращение соответственно рангу) выступают индикаторами перераспределения символической власти и одновременно средствами ее микродискурсивного конструирования. Тем самым язык субординации репрезентирует не стабильную иерархию, а процесс ее распада и ситуативной реконфигурации.

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ КАК МАРКЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ И ЦЕННОСТНОЙ ДЕЗОРИЕНТАЦИИ

Выше были рассмотрены политически маркированные обращения и язык субординации. Обратимся теперь к формам обращения, находящимся на периферии или вообще за пределами нормативного этикета: фамильярным, вульгарным, иноязычным и намеренно диссонирующим. В отличие от институционально закрепленных форм, они не отражают устойчивой социальной иерархии, а, напротив, сигнализируют о ее размывании, фиксируя состояние культурной и ценностной дезориентации в условиях трансформирующегося общества.

Особое место в этой группе занимают вульгарные обращения, характерные для советского разговорного узуса. В булгаковских пьесах они, как правило, являются не просто нарушениями речевого этикета, а средствами символического понижения статуса адресата. Обращаясь таким образом к представителям более престижной социальной среды, говорящий тем самым, с одной стороны, демонстрирует пренебрежение нормой, а с другой, осуществляет акт дискурсивного доминирования, лишая адресата традиционного высокого статуса.

Так, комиссар Баев в «Беге», обращаясь к священнику, использует сниженные и кощунственные формы: «Ты, святой папаша...», «Ты, папа римский...» [там же: 242]. Нарушение норм сакральной номинации, переход на *ты* и семантическое искажение обращения формируют эффект намеренной десакрализации. В данном случае речевое поведение отражает столкновение не столько индивидуальных речевых привычек, сколько различных ценностных систем — религиозной и антирелигиозной.

Показательно, что аналогичное снижение наблюдается и в речи представителей противоположного лагеря. Белый офицер Де Бризар, обращаясь к тому же священнику, использует оскорбительное прозвище («сатана чернохвостый») [там же: 258]. Это свидетельствует о том, что в условиях гражданской войны разрушение этикетных норм носит надыдеологический характер: сниженные формы обращения утрачивают привязку к конкретной политической позиции и становятся универсальным средством выражения агрессии и властного превосходства.

К периферийным относятся и фамильярные обращения типа «братишка», «папаша», используемые Амелистовым в «Зойкиной квартире» по отношению к Оболянинову. Для адресата, принадлежащего к дореволюционной элите, подобные формы оказывают

ся неприемлемыми, поскольку нарушают дистанцию, закрепленную прежним этикетом. Важно, что здесь фамильярность не интерпретируется как знак солидарности; напротив, она воспринимается как попытка навязать чуждую модель коммуникативного равенства. Таким образом, несоответствие коммуникативных ожиданий участников речевого акта приводит к прагматическому конфликту, в котором обращение становится маркером несовпадения социальных идентичностей.

Особую группу составляют иноязычные обращения, формирующие «галантерейный» жаргон [Гинзбург 1974: 109]. Этот гибридный регистр возникает на пересечении дореволюционной культурной традиции и новой советской действительности и используется как средство символического конструирования альтернативной идентичности. Так, Манюшка называет Зою Денисовну «ма тант» (*ma tante*) [Булгаков 1997: V: 67], создавая иллюзию отношений, с одной стороны, родственных, а с другой стороны, «аристократизированных». Аметистов, в свою очередь, использует обращения «синьор» и «маэстро» по отношению к Обольянинову. Однако если первое воспринимается адресатом относительно нейтрально, то второе вызывает у него отторжение, как стилистически неуместное и коммуникативно чуждое. В данном случае различие интерпретаций обусловлено несовпадением речевых установок: для Аметистова иноязычные формы выступают в качестве средств стилизации и символического повышения статуса, а для Обольянинова они маркируют утрату прежней социальной идентичности и воспринимаются как ее искажение. Тем самым «галантерейный» жаргон проявляет не принадлежность к определенной группе, а разрыв между различными моделями самоидентификации.

Характерным признаком периферийных форм обращения является также их стилистическая неоднородность. В ряде случаев в одной реплике сочетаются элементы различных регистров, что создает эффект коммуникативной неустойчивости. Так, речь Аметистова демонстрирует постоянное переключение псевдоаристократических и просторечных форм («анфан террибль», «мадмазель» — «вытряхайтесь») [там же: 94]. Подобная вариативность свидетельствует не о владении несколькими кодами, а об их нестабильном, ситуативном использовании, что позволяет говорить о стратегическом, а не о нормативном характере речевого поведения персонажа.

Сходный эффект достигается в «Беге» за счет контраста между высоким и сниженным стилями. Реплика игумена, обращенная

к Чарноте, построена в патетическом регистре, тогда как ответ последнего («Драпать надо, ваше высокопреосвященство!») [там же: 230]) сочетает фамильярные, просторечные единицы и формы официального титулования. Такое столкновение кодов не только создает комический эффект, но и выявляет утрату единых коммуникативных норм: ни возвышенный, ни сниженный регистры не функционируют как устойчивые модели.

Таким образом, периферийные формы обращения в драматургии Булгакова выступают как индикаторы разрушения нормативного речевого порядка. Они фиксируют размывание границ между социальными стратами, несоответствие коммуникативных ожиданий и стратегического характера языкового выбора. В условиях отсутствия единого этикетного кода обращение перестает быть стабильным маркером статуса и превращается в инструмент ситуативной идентификации, отражающий глубинную социальную и ценностную дезориентацию эпохи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный выше анализ позволяет сделать вывод о том, что формы обращения в драматургии М. А. Булгакова выполняют сложную прагматическую и социально-семиотическую функцию, выходящую далеко за пределы речевого этикета. В условиях идеологизации семантической стороны языка и распада дореволюционной системы этикетных норм обращения перестают быть нейтральными средствами номинации и превращаются в чувствительные индикаторы социальных и ценностных трансформаций.

Политически маркированные обращения репрезентируют оппозицию «свой / чужой» и фиксируют идеологическую поляризацию общества; формы субординации демонстрируют попытки сохранить или реконструировать иерархический порядок в ситуации его фактического разрушения; периферийные формы обращения, в свою очередь, выявляют состояние коммуникативной нестабильности, размывание границ между социальными стратами и несоответствие языковой нормы и реальности.

Вышеизложенное позволяет рассматривать обращение как ключевой элемент микродискурсивного моделирования власти и идентичности. Динамика форм обращения у М. А. Булгакова отражает не только изменения межличностных отношений, но и более широкий процесс трансформации социокультурного пространства; при этом языковой выбор становится способом символической борьбы за интерпретацию социальной реальности.

ИСТОЧНИКИ

1. Булгаков, М. А. Собрание сочинений: в 10 т. / М. А. Булгаков. — Москва: Голос, 1995–1997.

2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль; под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. — Москва: Цитадель, 1998. — Т. 4. — 832 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васильев, А. Д. Игры в слова: эволюции доминирующего вокатива / А. Д. Васильев // Политическая лингвистика. — 2009. — № 2 (28). — С. 9–25. — EDN KUFVNZ.

2. Васильев, А. Д. Эволюция доминирующего вокатива как социокультурный феномен / А. Д. Васильев // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. — 2008. — № 2. — С. 87–90. — EDN KIZVWX.

3. Виноградов, А. П. Система гражданских чинов по Табели о рангах при Петре I. Первые изменения по штатским чином / А. П. Виноградов // Вестник архивиста. — 2017. — № 3. — С. 155–167. — EDN ZEOGFZ.

4. Гао, Лия. Революционные идеи 1917–1918 гг. как катализатор изменения языка публицистики / Гао Лия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16, № 2. — С. 461–466. — EDN GRKXER.

5. Гинзбург, Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. — 2-е изд. — Ленинград: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1974. — 407 с.

6. Зеленин, А. В. *Господа, граждане и товарищи* в эмигрантской публицистике / А. В. Зеленин // Русская речь. — 2003. — № 6. — С. 91–105. — EDN OONDJL.

7. Козлов, А. П. Демократизация русской армии в 1917–1918 гг.: последствия, уроки / А. П. Козлов // Символ науки. — 2019. — № 3. — С. 21–25. — EDN WWHGWP.

8. Пономаренко, И. Н. Русский язык эпохи революции и революция в языке / И. Н. Пономаренко, Н. А. Сегал, А. В. Цыганкова // Политическая лингвистика. — 2024. — № 2 (104). — С. 172–177. — EDN CBKAVG.

9. Суркова, Е. В. Ситуативные клише в военной коммуникации: функциональный аспект и идиоматичность / Е. В. Суркова // Вопросы современной лингвистики. — 2025. — № 2. — С. 101–113. — EDN UUYBID.

10. Трофименко, В. П. Поговорим об этикете / В. Трофименко, А. Волгин. — Москва: Московская правда, 1991. — 96 с.

11. Фан, И. Б. «Товарищ» и «гражданин»: обращения как маркеры социального (не)равенства / И. Б. Фан, Н. В. Багичева // Политическая лингвистика. — 2025. — № 3 (111). — С. 278–285. — EDN VNYFFK.

12. Федосюк, Ю. А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века / Ю. А. Федосюк. — 3-е изд. — Москва: Флинта: Наука, 2000. — 263 с. — ISBN 5-89349-127-0.

13. Формановская, Н. И. Вы сказали: «Здравствуй!» (Речевой этикет в нашем общении) / Н. И. Формановская. — Москва: Знание, 1982. — 160 с. — EDN DGNTNX.

14. Формановская, Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. — Москва: Высшая школа, 1989. — 156 с. — EDN KCUSRS.

15. Формановская, Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты / Н. И. Формановская. — 2-е изд. — Москва: Рус. яз., 1987. — 156 с. — EDN NFISCT.

16. Чернейко, Л. О. Имя собственное как результат индивидуального творчества и как объект авторского права / Л. О. Чернейко // Изобретательство. — 2002. — Т. 2. — № 8. — С. 23–25.

17. Чжан, Ди. Формы обращения как средство выражения социального конфликта в повести М. Булгакова «Собачье сердце» / Чжан Ди // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — Т. 9, № 1. — С. 223–237. — EDN TIJODL.

18. Шепелев, Л. Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи / Л. Е. Шепелев. — Москва: Центрполиграф, 2005. — 423 с. — ISBN 5-9524-1046-4.

MATERIALS

1. Bulgakov, M. A. (1995–1997). *Sobranie sochineniy*: v 10 t. = Collected works: in 10 vols. Moscow: Golos.

2. Dal', V. I. (1998). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*: v 4 t. = Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols. (Vol. 4). Moscow: Tsitadel'.

REFERENCES

1. Vasil'ev, A. D. (2009). *Igry v slova: evolyutsii dominiruyushchego vokativa* = Wordplay: evolution of the dominant vocative. *Political Linguistics*, 2(28), 9–25. EDN KUFVNZ.

2. Vasil'ev, A. D. (2008). *Evolutsiya dominiruyushchego vokativa kak sotsiokul'turnyy fenomen* = Evolution of the dominant vocative as a sociocultural phenomenon. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev*, 2, 87–90. EDN KIZVWX.

3. Vinogradov, A. P. (2017). *Sistema grazhdanskikh chinov po Tabeli o rangakh pri Petre I. Pervye izmeneniya po shtatskim chinam* = The system of civil ranks according to the Table of Ranks under Peter I: First changes in civil ranks. *Bulletin of the Archivist*, 3, 155–167. EDN ZEOGFZ.

4. Gao, Liya. (2023). *Revolutsionnye idei 1917–1918 gg. kak katalizator izmeneniya yazyka publitsistiki* = Revolutionary ideas of 1917–1918 as a catalyst for changes in journalistic language. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 16(2), 461–466. EDN GRKXER.

5. Ginzburg, L. Ya. (1974). *O lirike* = On lyric poetry (2nd ed.). Leningrad: Sovetskii pisatel'.

6. Zelenin, A. V. (2003). *Gospoda, grazhdane i tovarishchi v emigrantskoy publitsistike* = “Gentlemen”, “citizens” and “comrades” in émigré journalism. *Russian Speech*, 6, 91–105.

7. Kozlov, A. P. (2019). *Demokratizatsiya russkoy armii v 1917–1918 gg.: posledstviya, uroki* = Democratization of the Russian army in 1917–1918: consequences and lessons. *Symbol of Science*, 3, 21–25. EDN WWHGWP.

8. Ponomarenko, I. N., Segal, N. A., Tsygankova, A. V. (2024). *Russkiy yazyk epokhi revolyutsii i revolyutsiya v yazyke* = The Russian language of the revolution era and revolution in language. *Political Linguistics*, 2(104), 172–177. EDN CBKAVG.

9. Surkova, E. V. (2025). *Situativnye klishe v voennoy kommunikatsii: funktsional'nyy aspekt i idiomatichnost'* = Situational clichés in military communication: functional aspect and idiomaticity. *Issues of Modern Linguistics*, 2, 101–113. EDN UUYBID.

10. Trofimenko, V., Volgin, A. (1991). *Pogovorim ob etikete* = Let us talk about etiquette. Moscow: Moskovskaya pravda.

11. Fan, I. B., Bagicheva, N. V. (2025). «Tovarishch» i «grazhdanin»: obrashcheniya kak markery sotsial'nogo (ne)ravenstva = “Comrade” and “citizen”: forms of address as markers of social (in)equality. *Political Linguistics*, 3(111), 278–285. EDN VNYFFK.

12. Fedosyuk, Yu. A. (2000). *Chto neponyatno u klassikov, ili Entsiklopediya russkogo byta XIX veka* = What is unclear in the classics, or an encyclopedia of Russian everyday life of the 19th century (3rd ed.). Moscow: Flinta, Nauka.

13. Formanovskaya, N. I. (1982). *Vy skazali: «Zdravstvuyte!»* (Rechevoy etiket v nashem obshchenii) = You said “Hello!” (Speech etiquette in our communication). Moscow: Znanie. EDN DGNTNX.

14. Formanovskaya, N. I. (1989). *Rechevoy etiket i kul'tura obshcheniya* = Speech etiquette and communication culture. Moscow: Vysshaya shkola. EDN KCUSRS.

15. Formanovskaya, N. I. (1987). *Russkiy rechevoy etiket: lingvisticheskiy i metodicheskiy aspekty* = Russian speech etiquette: linguistic and methodological aspects (2nd ed.). Moscow: Russkii yazyk. EDN NFISCT.

16. Cherneyko, L. O. (2002). *Imya sobstvennoe kak rezul'tat individual'nogo tvorchestva i kak ob'ekt avtorskogo prava* = Proper name as a result of individual creativity and as an object of copyright. *Inventions*, 8, 23–25.

17. Chzhan, Di. (2018). *Formy obrashcheniya kak sredstvo vyrazheniya sotsial'nogo konflikta v povesti M. Bulgakova «Sobach'e serdtse»* = Forms of address as a means of expressing social conflict in M. Bulgakov's novella “Heart of a Dog”. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics*, 9(1), 223–237. EDN TIJODL.

18. Shepelev, L. E. (2005). *Tituly, mundiry i ordena Rossiyskoy imperii* = Titles, uniforms and orders of the Russian Empire. Moscow: Tsentrpoligraf.